

Фоменко И.К., Щербакова Е.И.

«Северный лис» во дворце турецкого султана.

Топкапы на стратегической карте 1794 г.

«Посол наш имел успех, здесь совсем необыкновенный.

На прощальном визите у визиря ... все тут

находившиеся

при выходе его из приемной камеры желали ему

щастливого пути,

что по предубеждениям мусульманов совсем вещь

необыкновенная».

Из письма В.П. Кочубя А.А. Безбородко.

15 марта 1794 г.

Тема конференции связана с Первой мировой войной. Тема нашего доклада — с одним из эпизодов дипломатических отношений Российской и Османской империй, которые в результате этой войны исчезли с политической карты мира. За 220 лет до 1914 года состоялся дипломатический визит в Константинополь генерал-поручика Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова, назначенного чрезвычайным и полномочным послом России в Высокой Порте.

Все знают полководца, которого Наполеон называл «великим северным лисом», но не все знают, что это определение справедливо также по отношению к Кутузову — дипломату. Из секретной инструкции Екатерины II становится понятно, почему выбор пал именно на него. «В определении Вас к торжественному в Константинополь посольству, сверх особого благоволения к заслугам Вашим, — писала она, — имели мы и то уважение, что Вы по искусству Вашему в ремесле военном не упустите сделать все те наблюдения, кои в свое время для нас полезны и нужны быть могут, о положении мест, о дорогах, о населенных, укреплениях, расположении войск, запасах военных и о всем к воинской части сухопутной и морской принадлежащем»¹. Императрица не прогадала.

19 марта 1793 г. Кутузов выехал в Константинополь. После размена с турецким посольством в Дубоссарах огромный посольский поезд тронулся по землям Молдавии. Добирался до Константинополя Михаил Илларионович полгода! За это время дорога на Царьград была изведена не хуже Невского проспекта.

Как явствует из письма Кутузова к Екатерине II, он намеревался «всему ... иметь верные чертежи и с промерами»². Для выполнения этой задачи в состав

российского посольства были включены офицеры генерального штаба, инженерного корпуса, морского департамента и военные топографы. В «Списке Свиты Торжественного Посольства в Константинополь» значится целый ряд лиц, официально предназначенных для картографических работ.

26 сентября 1793 г., накануне Крестовоздвижения, Кутузов въехал в Царьград. Точно неизвестно, случайно или нет, въезд российского посольства был приурочен именно к этой дате. Но согласно стамбульским легендам и различным городским пророчествам, именно в праздник Воздвижения Креста русским суждено захватить Великий Город!

Предоставим слово очевидцу события, иеромонаху Саровской пустыни Мелетию. «26 число Сентября громко было в Константинополе приездом Российскаго Посланника Г. Генерал Лейтенанта Михайла Ларионовича Кутузова-Голенищева. Турки подданным своим смотреть въезд запретили, также и лодошным к месту Фонаре и никуда вдоль по заливу возить было не дозволено. По утру того дня за Адрианопольскими воротами на поле, по прибытии из села Святаго Стефана и всего Посольства, Турки в поставленных палатках давали оному завтрак, и всех пришедших туда людей угощали. После сего, все устроясь

по надлежащему, пошли с церемониею. Турки, коих пеших и конных было немалое число наперед, Российское же Посольство за ними. Начало составляла Кирасирская конница, коих парадные мундиры уряжены во всю грудь и спину двуглавыми орлами. За ними шла музыка, состоявшая из шестидесяти человек, которая громким и прекрасным игранием тесная улицы в дражание и народ во удивление приводила. За музыкаю следовали Гренадеры; за сими в золотой карете цугом с вершниками и двумя идущими по сторонам кареты лакеями ехал Архимандрит Российской Министерской Церкви с Иеромонахом Посольства. За каретою шли разные нижние чины, а Греческие и Российские купцы, случившиеся тогда в Константинополе, ехали верхами. В карете Посланниковой, окружаемой верховными Гусарами, сидели двое Дворян Посольства. Сам Посланник ехал верхом, Кавалеры и Дворянство также верхами ехали впереди и позади его. Со стороны застеляли его двенадцать человек Гвардейских Гренадеров, Гайдуки и Скороходы. Кони, на которых Посланник, Кавалеры и Дворянство ехали, были Султанские. Конец замыкался верховыми Карабинерами. И как сии, так и Кирасиры, едучи, держали ружья у колен вверх: но Яссы, Букорест и Адрианополь проезжая, как

слышал я, держали яко победители в руках сабли нагало. Народ, по улицам бежавший на смотрение, Янычара немилосердно били палками и прогоняли. Турецкие дома, мимо коих шло Посольство, были в глубоком молчании и прикрытии; Жиды же из ворот и окошек мало отверстных потихоньку выглядывали, но Греческие дома во всех жильях зрителями были пренаполнены. Многия женщины, видя единовѣрных Христианских воинов, от радости проливали слезы. Оставив Константинопольскую сторону и залив позади, шло Посольство в Перу полем, и по отдохновении бывшем уже при вечерѣ, прибыло в Посланнический Российский дом³ часа четыре или более ночи, в провожании безчисленно стекшагося народа»⁴.

Дипломатический протокол был соблюден в полной мере. «Турки в церемониях не делали никакова затруднения, и министерство велело сказать мне, что, из дружбы к особе моей, более Порты желает сделать учтивости мне, нежели Репнину. Таин (содержание — *И.Ф., Е.Щ.*) определили на прежнем основании 400 пиастров на день, да султан, из особаго уважения, из комнатной казны прибавляет 200, итого 600 пия(стров) на день...»⁵, — сообщал Кутузов жене. А надо заметить, что упомянутый в письме Николай Васильевич Репнин, исполнявший

подобную миссию в Стамбуле в 1775 г. после победоносной для России войны 1768—1774 гг., был принят в столице Османской империи очень пышно. «Церемониальные трактаменты», которыми почтили этого российского посла, отличались особой изысканностью. Например, великий визирь, приглашая Репнина на обед, просил князя, чтобы он «сказал ему час в который обыкновенно обедает, дабы он к тому времени приказал изготовить стол, ибо определяя сей день на угощение столь приятного ему гостя, не желает он его отяготить никакою переменою в его вседневных обыкновениях»... Столовые приборы были золотыми, с алмазными украшениями. После обеда гостей развлекали «балансеры, фокусники, плясуны, песенники». При прощании «...на посла надели соболью шубу, крытую сукном, в карманы положили три платка, в которых были завернуты часы золотые с алмазами. На секретарей посольства надели горностаевые шубы, а на кавалеров посольства и трех драгоманов — камлотовые кафтаны... По прибытии на пристань, послу объявили, что лошадь, на которой он ехал, дарится ему визирем со всем ее убором»⁶.

А что же Кутузов? В столице Османской империи дипломатический талант Михаила Илларионовича раскрылся в полной мере. В частности, здесь по его

распоряжению были созданы важнейшие стратегические документы — карты. Одна из них — отчетная рукописная карта Константинополя и пролива Босфор — хранится в ГИМ (ГИМ-53948; ГО-782). Анонимный манускрипт был даром Прасковьи Сергеевны Уваровой, супруги известного археолога Алексея Сергеевича Уварова; поступил в Государственный Исторический музей в 1922 г.

В ходе работы над этим уникальным графическим источником удалось выявить авторство и время создания карты. Автором этого произведения картографического искусства второй половины 1794 г. является художник-видописец и офицер-топограф, прапорщик Гавриил Сергеевич Сергеев, который находился в штате чрезвычайного посольства Кутузова в Константинополь.

Манускрипт Сергеева (тушь (перо), гуашь, акварель: 130,05 x 50; 129,5 x 47,5 см) склеен из двух листов, изготовлен на бумаге второй половины XVIII века. Бумага содержит филигрань: латинские литеры — «FAO», а также изображение увенчанного короной льва, стоящего на задних лапах. Лев помещен на низком постаменте и опирается на сферу, содержащую инициалы АО. Карта ориентирована на северо-восток; компасный крест находится близ морских стен Константинополя в «Мармарном море».

Эта роскошная рукопись иллюминирована гуашью и акварельными красками. Она содержит массу деталей. И, несмотря на яркую декоративность, являет собой прекрасный образец стратегического военного инструментария. На карте прекрасно отражен рельеф местности, показаны укрепления и планировка Константинополя с его предместьями и пригородами, дороги, реки. И все это дано в крупном масштабе. «Мера к карте» выражена в саженьях и в «российских верстах». В 3,6 см укладывается 1 верста, а 8 мм составляет 100 саженьей.

Автор поместил на карте множество миниатюр с изображением поселений, крепостей и артиллерийских батарей, маяков и акведуков, городских укреплений Константинополя, а также кораблей в бухте Золотой Рог. Несмотря на то, что изображения на карте очень миниатюрны, художник сумел не только точно передать топографию поселений, но также мастерски показать виды различных построек, особенно крепостных сооружений. Если проследить по карте очередность снятых художником видов, получается «паутина», связывающая узловые центры столицы Османской империи, в отношении которой Екатерина II строила, как известно, большие планы.

Неслучайно помещение на данной карте и врезки, именуемой «Описание большого Плана Сералья», то есть султанского дворца Топкапы. На врезке присутствует четкая топография с детальным описанием важнейших государственных служб Османской империи. К ней дан еще один масштаб, выраженный в сажнях: 2,9 см = 100 сажням, а также прилагается легенда.

«Описание большого Плана Сералья»:

- «1. Первые ворота серальския.
2. жилища великаго Казначея.
3. От Деление белых евнухов.
- 4.
5. Отделение где манетной двор
6. вторья ворота Серальския
7. ворота коими министры входят на уединенцию к Султану.
8. Диванная Зала, где велики(й) визирь принимает министров и их свиту.
9. Тронная Зала где дают министрам аудиненцию.
10. Султанской Кабинет.
11. Отделение первое Евнухов.
12. Отделение покоев женских.
13. ————— Султанских покоев.

14. ————— Четвертое служителей.
15. Императорская Сокровищница.
16. Где содержатся Государственные Пленники.
17. От Деление служб.
18. Киоска Где Султан отпускает капитан пашу при отправлении в море.
19. балык Капи, где содержатся низложенные визири под караулом.
20. Султанския Конюшни.
21. Киоска где султан Слушает О государственных делах.
22. Палаты великаго визиря.
23. Софийская Мечеть.
24. Мечеть Султана Ахмеда.
25. большая Площадь иподрома или Конскаго ристалища.
26. Отделение покоев бистанжи паши и где стоят Караульные императорския».

Торопливый, не очень аккуратный почерк автора этой таблицы комментариев, говорит о том, что карта, несмотря на имеющиеся купюры, была срочно затребована начальством. Об этом свидетельствует также отсутствие в легенде подписи к объекту № 4. Судя по плану, это церковь Святой Ирины, где у османов располагался арсенал, к храму

примыкал единственный в империи монетный двор, где чеканили золотую монету.

Постройки 1-го двора Топкапы художник явно рисовал с натуры. Тот факт, что Сергеев побывал вместе с Кутузовым в «святая святых» Высокой Порты, подтверждается и нарративными источниками. В «Журнале Торжественного Российского в Константинополе Посольства от 21 октября до 5 ноября» имеется следующая запись:

«29-го. По сделанным с Портою сношениям положено сего числа быть в визите у верховного визиря...

В 11 ½ часов прибыл его высокопревосходительство к константинопольскому берегу, где ожидавший его на пристани чауш-баши⁷, встретя, повел в приготовленный и убранный нарочно для приятия его дом, и там, покамест розданы были свите высланные от Порты 120 лошадей и она в порядок марша строилась, угощал и подчивал со всеми почестями. В исходе 12-го часу посол, сев на присланную ему богато убранную от Порты лошадь, следующим порядком отправился»⁸. Под 33 номером в списке свиты российского посла следуют «Прапорщик Сергеев и берейтор Лихачев».

Чтобы лучше представлять султанский дворец Топкапы, посещения которого был удостоен российский посол, предоставим слово Павлу Артемьевичу Левашову, который во второй половине 60-х годов XVIII в. являлся российским поверенным в делах в Стамбуле. Третье из его «Цареградских писем», вышедших в свет незадолго до посольства Кутузова, озаглавлено «О серали или хареме, то есть женохранилище».

«М. Государь мой!

Сераль есть испорченное слово сарай: сие имя значит не только султанский дворец, но и всякого знатного господина дом, почему все тамошних вельмож и чужестранных министров дома называются сараи.

Султанский сарай или дворец построен на самом мысу полуострова, омываемого фракийским Восфором, в том самом месте, где была древняя Византия, и отдален от самого города Константинополя одною только каменною стеною, а с прочих трех водою и тою же каменною стеною окружается, имея обширности столько, сколько в Москве Кремль вместе с Китаем (Китай-городом — *И.Ф., Е.Щ.*), или несколько побольше, построен же на самой вершине горы и имеет со всех сторон вид наипрекраснейший и несколько похожий, как Кремль с Москвы-реки

представляется. Сераль, так как особый город, имеет разные здания, отделенные одно от другого, и строен в разные времена, где каждый султан, кажется, без всякого плана и намерения нечто прибавлял или убавлял, отчего произошло, что все оное строение весьма беспорядочно. Главный дворец, как выше сказано, построен на самой горе, а внизу от него по косоугру до самого берега кругом находятся сады и прекрасные кипарисовые рощи, самый же берег в разных местах украшают увеселительные дома и киоски.

Главный вход от города в сераль есть башня и большие ворота. Над оными воротами сделано несколько окошек, по обеим сторонам по четыре входа: от них заимствует имя Оттоманская Порта, и тут 50 капиджиев⁹ стоят на страже с дубинами. По входе в сии ворота открывается первый двор или площадь, около которой построены разные службы для серальских нижних чинов, и на сей двор всякий входить может. Слуги пашей и других знатных особ люди тут обыкновенно дожидаются своих господ, и хотя двор сей в дальнем от султанских чертогов расстоянии, но и на оном великое молчание наблюдается.

С первого двора входят в другой, которого вход стерегут также 50 капиджиев. Сей двор имеет вид

четвероугольный и заключает длиннику и поперечнику шагов на триста, похож весьма на партер и довольно чисто и хорошо содержится; сюда один только султан на лошади въезжает.

Палаты, где султанские сокровища хранятся, также малая конюшня лошадей на 30 выстроены на левой стороне, где виден источник, подле которого прежде сего осужденным на смерть пашам рубили головы. Службы и поварни на правой стороне близ стены: внизу находится первая поварня, где готовится кушанье для самого султана, вторая для Валиде-султанши¹⁰, третья для прочих султанш, четвертая для капиджи-баши¹¹, пятая для знатных господ, присутствующих в диване, шестая для ичугланов¹², седьмая для серальских нижних чинов, служителей, осьмая для женщин и девиц, в серале находящихся, девятая для всех тех, коим должно быть на диванном собрании в присутственные дни. Сказывают, что сверх сорока тысяч свежих и соленых быков, расходящихся там ежегодно, подрядчики должны ставить на каждый день по 200 баранов, по 100 ягнят, по 10 телят, по 200 куриц, по 200 пар цыплят, по 100 пар голубей, по 50 гусей и по стольку же индеек.

Большая конюшня, где около тысячи лошадей содержится для находящихся при султানে разных чинов, стоит на берегу Воспора.

Палата, в которой собирается диван, стоит на левой стороне в самом конце сего двора, а на правой ворота, которыми проходят в самую внутренность серали, куда вход никому, кроме званых, недозволен. Сия палата довольно велика, но весьма низка, покрыта свинцом, испещрена и раззолочена на арабский вкус очень просто, внутри оной никакого великолепия не видно. В сей палате верховный визирь решает все гражданские и уголовные дела, и чужеземные послы тут угощаются бывают обеденным столом в день их аудиенции у султана. Вот все то, что можно видеть иностранным людям в серале...

Харем, или женские покои еще далее находятся и сообщаются с покоем султанскими разными переходами, стрегомые евнухами, куда никто из мужчин входу иметь не может под лишением жизни, так что и посторонние женщины, желающие в него войти, должны сперва спросить позволения у стрегущего двери евнуха, и сказать точно, к кому пришла и за чем; тогда сей придверник докладывает о том кызляр-аге, который есть главный евнух над женским харемом. Он должен быть самый черный и гнуснейший из

своих одноземцев, и когда сей позволит, тогда впускают таковых посторонних женщин в харем и провожают их до той каморы, где живет особа, до которой они имеют дело, хотя бы то и до самой султанши, и по исполнении своего дела выводятся из харема вон, препровождаемы одним евнухом или старою женщиною: таким образом часто впускаются в харем торговли с разными товарами и золотошвейки»¹³.

Между прочим, в гарем «Куруз-паша» тоже умудрился пробраться, отрекомендовавшись «главным евнухом императрицы Екатерины». Он встречался с валиде-султан Михри-шах и подарил ей специально привезенный из России драгоценный эгрет. После аудиенции у султана посол докладывал в Петербург, что Селим III «внимание сие к его матери принял с чувствительностью»¹⁴. Да и валиде в долгу не осталась. «...Ничего примечательного после последней почты не случилось, — писал Курузов жене, — кроме вещи здесь небывалой, а именно: султан-валиде, то есть мать султанская, прислала в церемонии чиновника своего валиде-кегая-колфосы, провождаемого переводчиком Порты, спросить об моем здоровье, объявить внимание ее ко мне и вручить от лица ее подарки, состоящие из шалей, трех платков, которые вечно сохраню,

и многих парчей турецких, ост-индских и ормуских, и чашечку для кофея с дорогими камнями; всего пиястров на 10 000»¹⁵. Влиятельнейшая дама султанского «женохранилища» содействовала Кутузову в решении вопросов о торговом тарифе и определении размеров пошлины за проход проливов¹⁶.

В общем, с задачами миссии Кутузов справился. Ему удалось воспрепятствовать заключению союза между Турцией и Францией, собрать сведения о положении православных подданных Османской империи, а главное, «сохранить мир и доброе согласие с Портой»¹⁷.

В конце февраля 1794 г. Селим III писал императрице Екатерине: «Поелику же реченный великий Ваш посол по природному своему благоразумию и прозорливости все правила посольской должности с совершенною точностию и благовидною вежливостию выполнил и таким образом долг своего усердного служения и верности своему государству так, как надлежало исполнив и удовлетворив, о возвратном своем отправлении просил Высочайшего Нашего соизволения, которое и получить уже удостоился...»¹⁸. 17 марта Кутузов выехал из Константинополя, передав полномочия новому послу Виктору Павловичу Кочубею.

Российская монархия отметила дипломатические заслуги Кутузова дарованием ему «в вечное и потомственное владение» двух тысяч душ крепостных по случаю «годовщины заключения мира с Турцией»¹⁹.

Для исследователей же настоящей наградой является то, что они получили возможность заново открыть замечательную карту-картину Константинополя. ГИМовский аноним в год своего 220-летия наконец обрел автора — «видописца» Сергеева, а историческое сообщество — стратегическую карту, которая стала одним из итогов миссии Кутузова в Константинополе.

---

¹ Кутузов М.И. Сборник документов. Под ред. Л.Г. Бескровного. М. 1950. Т. I. С. 199.

² Там же. С. 237.

³ На нашей карте обозначен под номером 81.

⁴ Мелетий. Путешествие во Иерусалим Саровския Общежительныя Пустыни Иеромонаха Мелетия в 1793 и 1794 году. Москва. 1798. С.17—19.

⁵ Там же. С. 44.

⁶ Цит. по: В. Теплов. Русские представители в Царьграде. 1496—1891. СПб. 1891. С. 44—45.

⁷ Чавушбаши — придворный Бируна (внешней службы Дворца). Он исполнял различные важные обязанности при султанском дворе, в том числе церемониймейстера, а также некоторые полицейские функции во дворце и султанском гареме.

⁸ 1793 г. ноября 5. Журнал Торжественного Российского в Константинополе Посольства. от 21 октября до 5 ноября // Кутузов М.И. Документы. Под ред. Л.Г. Бескровного. М. 1950. С. 655.

⁹ Капыджи — с тур. «привратник».

¹⁰ Валиде-султан — мать правящего султана.

¹¹ Капыджибаши — глава всех привратников, выполнял обязанности фельдъегеря и особо важные поручения.

¹² Ичоглан — паж на службе у султана.

¹³ Левашов Павел Артемьевич. Цареградские письма о древних и нынешних турках и о состоянии их войск, о Цареграде и всех окрестностях оного, о Султанском Серале или Хареме, о обхождении Порты с Послами и Посланниками Иностранными, о любовных ухищрениях турков и турчанок, о нравах и образе жизни их, о Дарданеллах, проливах и

проч.; о Царедворцах, о Султанах и их важных делах от самого начала монархии их поныне, с обязательным известием о славных Кастриотовых подвигах; о державе их; о различных народах порабощенных игу их и о их вере, языке и проч.; о Греческих Патриархах и избрании их; о гражданских, духовных и воинских чинах и о многих иных любопытных предметах. 1789 г. // Путешествия по Востоку в эпоху Екатерины II. Издание подготовили А.А. Вигасин, С.Г. Карпюк. М. 1995. С. 44—46.

¹⁴ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. Составители: А.М. Валькович, А.П. Капитонов. М. 1995. С. 46—47.

¹⁵ Там же. С. 48.

¹⁶ Шеремет В.И. Сафьяновый портфель Кутузова // Родина. Россия и Турция: 500 лет соседства. 1998. №5—6. С. 78.

¹⁷ Там же. С. 76.

¹⁸ Фельдмаршал Кутузов. Документы... С.52.

¹⁹ Из росписи наград по случаю годовщины заключения мира с Турцией 2 сентября 1793 г. // Кутузов М.И. Документы. Под ред. Л.Г. Бескровного. М. 1950. С.227.